

ПРОСТРАНСТВО ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ГОРОДСКОГО РАЙОНА КРУПНОГО СИБИРСКОГО ГОРОДА ОПЫТ НАУЧНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

В статье раскрывается опыт применения модели анализа пространства исторической памяти городского района, включающей в себя четыре элемента: архитектурно-планировочный ландшафт района, памятники и памятные места как координаты социокультурной преемственности, эволюция повседневности, а также общий анализ коллективной и индивидуальной памяти жителей района, который находится на стыке семейной, локальной и глобальной (национальной) истории. Исследование носит междисциплинарный характер, а предложенная модель апробирована на материалах нескольких городских районов крупных городов Западной Сибири.

Ключевые слова: *пространство исторической памяти, город, локальная история.*

Интеграция усилий ученых широкого спектра гуманитарных наук становится все более распространенным явлением. В исторической науке разработка новых исследовательских стратегий стала остро востребована в изучении проблем исторической памяти. В настоящей статье основное внимание уделено возможностям научной реконструкции пространства исторической памяти городского района.

Используемое здесь понятие «пространство исторической памяти» подразумевает определенную часть географически ограниченной территории, наполненной социокультурным содержанием, связанным с историко-культурной памятью и преемственностью, т.е. подобное пространство рассматривается одновременно как географический, социальный и исторический объект. И именно сквозь призму исторического и социокультурного значения этого пространства можно говорить о его наполненности коллективной и индивидуальной исторической памятью.

Исследование проведено на стыке нескольких дисциплин: гуманитарной географии (Д.И. Замятин), теории культурно-цивилизационного ландшафта (В.Г. Рыженко¹), теории культурной памяти (Я. Ассман²; Л.П. Репина³ и др.) и теории городской культуры⁴ и градостроительства.

Обращаясь к теории гуманитарной географии, отметим такую тенденцию, как близость географического ландшафта и социокультурных практик человека в его повседневной жизни. Этот вывод следует из того, что современная теория культурного ландшафта рассматривает культуру и географическое пространство в их единстве: «в культурный ландшафт на равных правах входят материальная и духовная культура,

¹ Рыженко 2003; 2010.

² Ассман 2004.

³ Репина 2011. С. 30-34; 2008.

⁴ Рыженко, Назимова, Алисов 2004. С. 24.

современная (традиционная и инновационная) и культурное наследие»⁵. Речь идет о соотношении в городском культурном пространстве двух компонентов: материального (архитектурно-планировочный ландшафт, здания, учреждения, организации и т.д.) и культурного (ментальные представления, историческая память, пространственные образы). Н.Ю. Лысова отмечает: «Благодаря накопленной истории город становится мощным генератором новой информации. Город – механизм, постоянно заново рождающий свое прошлое, которое получает возможность синхронно сопоставляться с настоящим. В этом отношении город, как и культура, – механизм, противостоящий времени»⁶.

Условная модель изучения пространства исторической памяти города или городского района включает несколько элементов. Во-первых, это архитектурно-планировочный ландшафт, который складывается из зданий и сооружений, построенных в определенный исторический период. Также в первом элементе большую роль играет и топонимика рассматриваемого городского пространства. Во-вторых, это определенные памятники и памятные места, созданные на территории городского пространства. В-третьих, это повседневная жизнь населения данного города или района, которая эволюционирует и изменяется с течением времени, однако оставляет память о себе на уровне традиции, менталитета горожан, поведенческих практик и общего уровня городской культуры. Наконец, четвертый элемент данной модели – это анализ коллективной и индивидуальной памяти о прошлом и настоящем на трех уровнях: уровне семейной биографии, истории городского пространства и более масштабном уровне – истории страны в целом, в который вписаны два предыдущих условно выделенных нами уровня памяти.

Ряд трудностей, с которыми может столкнуться историк при применении методов устной истории для реконструкции биографий или исторических событий, были описаны А. Мегиллом. Им, в частности, были разделены понятия «память», «ностальгия» и «идентичность». Однако каждое из них в отдельности оказывает влияние на человека, личная биография которого реконструируется исследователем. Мегилл предлагает разные позиции, которые может занять историк на пути преодоления подобных субъективных искажений истории⁷.

В качестве объекта исследования обратимся к ряду городов и городских районов Сибири, формирование которых пришлось на 1950–1960-е гг. В основном это районы массового жилищного строительства по принципу районной застройки для работников крупных предприятий. Среди таких объектов можно выделить район красноярского правобережья, новый крупный город Ангарск в Иркутской области, Южный посе-

⁵ Лавренова 2013. С. 216.

⁶ Лысова 2011.

⁷ Мегилл 2007.

лок города Кемерово, но главное внимание будет направлено на два локальных примера – омский Городок Нефтяников и новосибирском Академгородке. Примечательно в этих городах и городских районах то, что для их строительства, а также последующей жизни в них и работы на градообразующих предприятиях привлекались люди из других городов и регионов СССР, а также представители сельского населения. Как правило, первую группу составляли специалисты, имевшие опыт работы на других крупных предприятиях страны, и молодежь, прибывавшая сюда по комсомольским путевкам, а вторую – рабочие без квалификации, которые составляли основную часть новых жителей района. Таким образом, в ходе формирования новых городских районов в крупных городах Сибири возникало смешение представителей городского и сельского населения. Опора на теорию культурной памяти Я. Ассмана⁸ позволяет выделить три составляющих процесса эволюции культурной памяти для горожан 1950–1960-х гг. и последующих десятилетий: 1) перемены, связанные с традициями повседневной жизни; 2) перемены в области окружающей среды, которая менялась в зависимости от смены места жительства; 3) перемены, возникавшие в сознании людей.

Переплетение общесоветских тенденций развития повседневной жизни в эти годы с локальной спецификой в конкретных новых городских районах имело ряд особенностей. Эти районы символически закрепили в себе один из этапов советской истории, на котором происходил переход к массовому жилищному строительству, новым нормам потребления, новому образу жизни. В настоящее время данные районы все больше смешиваются с архитектурой более позднего времени, с новыми магазинами, предприятиями, учреждениями, заселяются новыми жителями с принципиально иным менталитетом и другой психологией. Культурное пространство изменилось гораздо быстрее, чем материальное. Однако эти изменения необратимо делают новые для 1950–1960-х гг. городские районы достоянием истории и памяти.

Практика рассмотрения эволюции культурной памяти в тесной привязке к городскому пространству дает право говорить о локальной специфике этих процессов, а также о взаимовлиянии семейной биографии и событий истории страны в сфере передачи памяти от поколения к поколению. Представители городского социума, родившиеся и выросшие в деревне, по-своему хранили традиции и перенесли многие из них в городскую культуру, в которой оказались. Это заметно по тому, что в новых районах массового жилищного строительства на протяжении примерно десяти лет сохранялись практики, характерные для сельской жизни. Среди них можно отметить проведение пышных застолий и массовых гуляний не в отдельной квартире, как это было характерно для городских жителей, а на улице. Долгое время в районах массового жи-

⁸ Ассман 2004. С. 45.

личного строительства отсутствовало снабжение газом, что становилось причиной сооружения близ многоэтажных жилых домов небольших сараев. Уже в 1970-е гг. подобные элементы повседневной жизни стали уходить на второй план, а в дальнейшем и вовсе утратили свое значение, сохранившись лишь в семейных архивах и воспоминаниях.

Проблемы культурной памяти и исторической преемственности локальных сообществ приобретают особое значение при обращении к тем объектам прошлого в городском пространстве, которые отличаются массовостью, сравнительно короткой историей и отсутствием официально признанной исторической ценности. При этом новые городские районы 1950–1960-х гг. составляют условное “ядро” социальной истории России и СССР в середине XX в. В связи с тем, что в этот период численность городского населения в Советском Союзе впервые превысила число сельских жителей, районы массового жилищного строительства стали катализаторами нового образа жизни почти половины, а затем и большинства населения нашей страны.

С исторической и архитектурной точки зрения рассматривать эти районы в качестве возможного особого объекта культурного наследия может показаться преждевременным, однако за счёт именно таких районов не только происходило расширение уже основанных городов, но и образование городов совершенно новых. Для них жилищное строительство середины XX в. стало историческим ядром всего города. Культурно-историческая специфика новых районов массового жилищного строительства состоит не только в материальном воплощении отдельного периода нашей страны, но еще и в сохранении культурной памяти о той повседневной жизни, которая наполнила эти районы полвека назад.

Резюмируя сказанное, заметим, что основную задачу рассмотрения новых городских районов 1950-60-х гг. мы видим не столько в особой охране самих районов, их отдельных зданий и инфраструктуры в первоизданном виде (хотя для жилых архитектурных ансамблей, построенных в стиле позднего сталинского ампира это составляет исключение), а в реконструкции истории их создания, а также в истории повседневной жизни на их территории в определенные периоды, в сохранении этой истории и передаче ее от поколения к поколению.

Первым элементом культурно-исторического пространства городского района является архитектурно-планировочный ландшафт. Обратимся к истории создания архитектурного ансамбля омского Городка Нефтяников, связанной со строительством нефтехимического комплекса (30 июля 1949 г. Совет министров СССР распоряжением № 11734 обязал министерство нефтяной промышленности начать проектные работы по строительству в районе Омска нефтезавода мощностью 3 млн. тонн нефти в год). В Городке Нефтяников наиболее выдающимися среди объектов, выдержанных в стиле позднего сталинского ампира, являются здания клуба строителей и Заводоуправления. Первое было построено

с колоннадой и имитацией ротонды, замыкающей площадь перед клубом. Декорированы лепниной были не только внешние элементы здания, но и интерьер. Здание заводоуправления украшено башней и шпилем, что придает ему торжественность и подчеркивает административный статус. Характерный элемент украшения фасадов жилых домов в Городке Нефтяников – это лавровые венки и гирлянды. Они встречаются в оформлении карнизов и верхних частей эркеров зданий по проспекту Мира, главной магистрали городка. Лавровые ветви, символизирующие боевую славу, часто изображались в советской геральдике, встречались в орденах и медалях. В оформлении фасадов жилых домов лавровые ветви изображались с характерным дуговым изгибом, располагались симметрично, в верхней части эркера. В ряде других эркеров располагалось монументально подчеркнутое изображение круга, который является одной из наиболее часто употребляемых фигур, символизирующих вечность. Проектирование фигуры круга в верхней части дома подтверждает стремление архитекторов закрепить в среде жилого пространства тему вечной памяти воинам, погибшим в боях Великой Отечественной войны.

В ансамбле жилых домов по проспекту Мира архитекторы активно применяли арки для оформления первых этажей. Особенно много подчеркнуто выделенных арочных элементов было спроектировано на площади перед Дворцом культуры им. А.М. Малунцева. Большие арочные окна и двери можно рассматривать как символ триумфа (отталкивающийся от образа знаменитых Триумфальных арок в Париже и Москве). То же можно сказать и о столбах, расположенных при въезде в Городок Нефтяников. В доме на пересечении улиц Химиков и проспекта Мира была построена украшенная лепным декором, символизирующим урожайность, арка с двумя этажами бытовых помещений над ней.

Победа в Великой Отечественной войне была визуально закреплена в пространстве повседневной жизни жителей. Некоторые прямоугольные дверные проемы входов в магазины и общественные учреждения чередовались со специально выделенным дополнительным арочным сводом, состоящим не только из выступающей дуговой линии, но и имеющим белый контур на фоне желтой фактуры всего здания. Арочные элементы были применены и во многих домах внутриквартальной малоэтажной застройки (напр., в оформлении Дома Техники и симметрично поставленном доме по проспекту Культуры). Полукруглое завершение окон подъездов и лестничных маршей активно применялось в жилой застройке Городка Нефтяников (ул. А.М. Малунцева и проспект Мира).

В аналогичном архитектурном стиле были построены новые районы жилищного строительства в Красноярске, Барнауле, Новосибирске, Кемерово и малых городах Сибири (Ленинск-Кузнецкий, Югра, Ачинск, Канск, Белово, Петровск-Забайкальский и др.). В частности, главную улицу нового крупного жилого района Красноярска середины XX века, проспект имени газеты «Красноярский рабочий» можно признать градо-

образующей осью пространства этой части города. Ее специфика заключается в том, что она связала между собой новые промышленные районы правого берега Енисея. Сегодня этот проспект, с его обилием жилых, общественных и промышленных зданий, построенных в стиле позднего сталинского ампира, играет значимую роль в сохранении культурно-исторической памяти района, включая практику проведения праздника улицы. В 2009 г. в честь 55-летия проспекта были организованы юбилейные торжества «в самом большом в мире сквере-памятнике “Московский тракт” – от переулка Вузовского до улицы Шелковой». Кроме этого, в течение дня от «КрасТЭЦ» по улице курсировал «праздничный трамвай» с фотовыставкой-ретроспективой проспекта прошлых лет.

Другим важнейшим элементом городского пространства культурно-исторической памяти является топонимика города. Топонимика омского Городка Нефтяников отражает разные периоды локальной и общегосударственной истории. Территория крупного района в 1950–1960-е гг. делилась на ряд мелких поселков и отдельных окраин. Их названия образовывались исходя из территориального расположения, а также местной топонимической традиции: Поселок Дальний был расположен дальше всего от центра города и остальной жилой зоны Городка, поселок Иртышский закономерно находился у берега реки Иртыш. Кроме того, поскольку на строительстве Омского нефтеперерабатывающего завода и жилого района были заняты заключенные, здесь находились огороженные колючей проволокой зоны Военизированных строительных отрядов (ВСО). Вольнонаемные строители и работники нефтезавода употребляли применительно к ним названия: Первое ВСО, Второе ВСО, Третье ВСО, или по-другому ВСО-1, ВСО-2, ВСО-3. После того, как в связи с общими изменениями во внутренней политике зоны были ликвидированы, некоторые из барачных использовались и далее, и эти названия из употребления не вышли. Несмотря на привыкание жителей к названию мест, власти делали попытки «замены неблагозвучных названий». Это было связано также с ликвидацией нападений о прежнем, «Сталинском» режиме в сознании людей и с дальнейшим курсом на обновление. Так, например, делая ссылку на Дело № 1225 Фонда № 235 Государственного Архива Омской области авторы справочников Омских улиц сообщают, что 7 мая 1957 г. горисполкомом было принято решение № 282, согласно которому «вместо многочисленных лагерных и военно-строительных отрядов вблизи нефтезавода появились поселки Береговой, Дальний, Ермак, Иртышский, Красноярский, Октябрьский, Первомайский, Сибирский. Часть поселков получила общую «производственную» тематику: Заводской, Каучук, Коммунальный, Строителей, Энергетиков. Причем авторы замечают, что почти все эти поселки были снесены к началу 1970-х гг., а оставшиеся названия в обиходе не закрепились, кроме поселка Ермак. Но старожилы помнят все вышеотмеченные названия поселков и их пространственную расположенность в строящемся большом

районе. Упоминания этих мест в совокупности складываются в конструируемую нами цельную карту Городка Нефтяников середины 1950-х гг. Беседы с современными жителями Городка также подтверждают бытование в повседневном обиходе жителей Омска названий микрорайонов Ермак, Иртышский, Первомайский, Заводской⁹.

Особый интерес представляет появление в новом районе по решению омского горисполкома № 1002-2 от 16 декабря 1955 года улиц XIX Партсъезда и XX Партсъезда, застройка которых была завершена примерно в эти же годы. То, что обе улицы появились в одном районе (улицы XXII Партсъезда находится в другом районе города) не случайно, так как они обозначали преемственность партийного курса между 1952 и 1956 годом. Это символизировало особую роль партии в создании нового жилого района и предприятия. О связи с Ленинским партийным курсом говорит также появление в этот период улицы 22 Апреля.

Второй элемент условного пространства культурно-исторической памяти городского района состоит в создании памятников и памятных мест. На примере двух районов крупных сибирских городов, омском Городке Нефтяников и новосибирском Академгородке, можно четко проследить тенденцию сохранения культурно-исторической памяти посредством установки памятников и создания «мест памяти». И здесь появляется еще одно проблемное поле, связанное с сохранением памяти о локальных событиях, местах и людях, и о передаче этой памяти следующим поколениям. Такая проблема в первую очередь стала актуальной на национальном уровне. «Мемориальный поворот в современной исторической науке привел к существенному расширению предметного поля “новой культурной истории”, охватившего проблематику “мест памяти” и “исторической мифологии”. <...> сами законы жанра “биографии нации” требуют драматического развертывания и сюжетной завершенности событийного ряда, сходящегося к субъекту идентификации и демонстрирующего ключевые “места памяти” и символы “общей судьбы”»¹⁰. Однако стоит предположить, что для продолжения и существенного дополнения «национальной биографии» региональным и местным культурно-историческим наследием, имеющим прямое отношение к сохранению исторической памяти, важным становится изучение местной специфики. Как раз те самые «символы общей судьбы» и «места памяти», о которых говорит автор, здесь, на локальном уровне, подвержены гораздо большему риску забвения по причине гораздо меньшей значимости в сравнении с общенациональной спецификой.

Несмотря на то, что омский Городок Нефтяников и новосибирский Академгородок принадлежат к разным типам городских районов – промышленному типу и наукограду, особенности установки памятников и

⁹ Гурьев, Гусева 2001. С. 12, 17.

¹⁰ Репина 2012. С. 5-7.

закрепления в пространстве памятных мест в них имеют явно сходные черты. Наиболее заметной общей тенденцией в районах подобного типа является наличие памятников тем местным деятелям, которым эти города и районы обязаны своим появлением. Памятная стелла, посвященная А.М. Малунцеву, установлена на том месте, где начинается улица, которая названа в его честь. Памятник М.А. Лаврентьеву также установлен в начале проспекта, названного в его честь в Академгородке и находится вблизи здания Президиума СО РАН. Подобные памятники устанавливаются и сегодня по инициативе местных властей, но чаще – по инициативе общественности.

В городском пространстве была реализована практика установки памятников и в честь тех людей, которые внесли значительный вклад в развитие градообразующего (районообразующего) предприятия и – в разной степени – в развитие района. Среди них отметим установленный на рубеже 1990-х и 2000-х гг. памятник И.Д. Лицкевичу, директору омского нефтезавода в 1987–1995 гг. В 2012 г. на доме, в котором жил второй директор Омского нефтеперерабатывающего завода, Виктор Андреевич Рябов, была установлена памятная доска. В 1970–1974 гг. В.А. Рябов был депутатом Верховного Совета СССР восьмого созыва, затем занимал различные должности при Министерстве нефтяной промышленности СССР, установка памятной доски совпала с присвоением ему звания «Почетный гражданин города Омска». В историко-культурном пространстве Городка Нефтяников эта памятная доска является символическим закреплением развития нефтезавода и района во второй половине 1960-х – первой половине 1970-х гг. Интересно, что созданные в Городке Нефтяников «памятные места» расположены в тех частях застройки района, которые соответствуют периоду деятельности руководителей нефтезавода. Так, памятная доска на доме, где жил В.А. Рябов, находится в части застройки района 1950–1960-х гг. Памятная стела на площади И.Д. Лицкевича расположена у здания корпуса Омского государственного университета, строившегося как дом творчества в конце 1980-х – начале 1990-х гг., т.е. когда Иван Дмитриевич занимал пост директора предприятия. В Академгородке, в отличие от района промышленного типа, «памятные места» расположены с привязкой к определенным институтам. С точки зрения проектирования и строительства районов, это можно объяснить тем, что в Городке Нефтяников жилая и промышленная зоны отделены друг от друга, а в Академгородке институтская зона фактически является продолжением жилой. Память о многих выдающихся ученых, стоявших у истоков Новосибирского научного центра, продолжает оставаться в городском пространстве района. Помимо памятников, условные «места памяти» здесь образуют мемориальные доски на стенах институтов, где работали ученые. Важную роль в формировании «мест памяти» играет топонимика района и устные рассказы о выдающихся жильцах, проживавших в Академгородке.

Отдельную группу памятников в районах советского города составляют памятники и мемориалы, посвященные героям Великой Отечественной войны. По большей части такие памятники и мемориальные доски расположены на территории учебных заведений, но нередко они становятся частью открытого городского пространства, располагаясь на одноименных улицах, в скверах, аллеях, на площадях и перекрестках. Наряду с перечисленными памятниками местным деятелям, они объединяют разные исторические периоды и одновременно локальную историю с историей страны. Стоит подчеркнуть, что это несет в себе потенциал сохранения культурно-исторической памяти среди молодежи, проживающей или учащейся в этих районах¹¹.

Третий элемент трансформации культурно-исторической памяти касается повседневной жизни, которая, с одной стороны, сохраняла преемственность и традиции, а с другой, в наибольшей степени (в отличие от двух предыдущих элементов) была подвержена переменам. В качестве примера обратимся к одному из городских районов, активно строившемуся в середине XX в. в Новосибирске – Академгородку.

Названия первого поселения, стартовой площадки будущего Академгородка, разнились: от общепринятой «Золотой долины» до «коммуны золотодолинцев», как ее окрестил В.М. Титов¹², и «поселка аборигенов» в воспоминаниях О.Н. Марчук¹³. Здесь жили академики, научные сотрудники, студенты – представители тех социальных групп, которые станут основным населением Академгородка. Уже тогда складывались межличностные отношения особого типа. «Золотую долину» можно назвать моделью повседневности будущего Академгородка, здесь были аккумулированы многие характерные черты строящегося наукограда. Поселок стал местом совместного проживания научных работников Сибирского отделения, строительных рабочих и молодежи. Универсальная среда поселения состояла из строительных площадок, которые были местом работы бригад «Сибакademстроя», и наскоро сооруженных барачных помещений для научных лабораторий¹⁴. Характерные компоненты сельской жизни состояли в заготовке дров, топке жилья, доставке воды, в скромном внутреннем интерьере деревянных домов¹⁵.

¹¹ В пространстве Академгородка есть еще большое число скульптур и композиций. Среди них: скульптура «Архимед», созданная в 2008 г. по проекту Павла Баязитова из саянского мрамора; памятник «Вальс Победы» скульптора А. Агриколянского, установленный в 2010 г. у ДК «Академия»; памятник «ФыМыШатам», установленный в 2013 г. у здания бывшей физико-математической школы НГУ; созданная в 2014 г. необычная «Велопарковка» около Института цитологии и генетики; созданные в том же году два лавочных дерева около Технопарка и мн. др.

¹² «И забыть по-прежнему нельзя...» ... С. 15.

¹³ Марчук 1997. С. 14.

¹⁴ Так, в небольшом деревянном сарае размещалось изобретение Б.В. Войцеховского – «кольцевой лоток». См.: «И забыть по-прежнему нельзя...» С. 14.

¹⁵ Марчук 1997. С. 32.

В доме М.А. Лаврентьева несколько ступенек вело в прихожую, рядом с которой был его рабочий кабинет со стенами из гладких струганных досок, а на одной из них размещалась грифельная доска с лотком для мела, на ней часто можно было увидеть нестертые формулы. Ежедневно в 10 утра в кабинете начинались семинары, доклады, беседы с учениками. Организационные дела решались фактически после работы. М.А. Лаврентьеву предлагали квартиру на Красном проспекте в Новосибирске, однако он остался жить на территории городка¹⁶.

Зима 1958–59 г., ставшая первой в истории города науки, запомнилась всем, кто прибыл сюда в составе большой делегации, разделившейся на десятки малых групп. Молодые семьи накануне наступления зимних морозов получали двухкомнатные квартиры площадью комнат в 10 и 20 кв. метров. По подсчетам О.Н. Марчук, в бараках в ту зиму проживало 30 взрослых и 12 детей. Она подробно описывает повседневные дела: «...Появилась главная забота: топить каждый день печи. Сначала ходили в лес и валили сухие деревья. Затем их распиливали, притаскивали к домикам и кололи. Поленья служили для растопки, топили же печи каменным углем, громадная куча которого чернела на белом снегу. Кроме ведер с углем, носили еще ведра с водой. Вечером, когда закрывали трубы, в комнатах было невозможно жарко, а утром холодно, в углах комнат появлялся иней...». Отдельные элементы городской жизни обнаруживаются по фотографиям, на одной из которых, например, изображен домик Лаврентьева, рядом с которым можно увидеть служебный автомобиль «Победа»¹⁷. Позже в районе были построены капитальные жилые дома. В трехкомнатных квартирах первых домов иногда поселяли сразу две семьи: у каждой была своя комната, а кухня и большая проходная гостиная становились общими. Там же, молодожены могли отметить комсомольские свадьбы, первые в Академгородке¹⁸.

Уже в 1960-е гг. жизнь протекала в других условиях. Была налажена городская инфраструктура, система коммунально-бытового обслуживания, а вместе с тем ушли в прошлое самые запоминающиеся страницы коллективного быта, уступив место новым будням городской жизни. Во всех новых районах жилищного строительства Сибири 1950-х – первой половины 1960-х гг. материально-техническая база создавалась с нуля, что обуславливало эволюцию повседневного быта от сельского к городскому с сохранением определенных культурно-исторических традиций. Специфика Академгородка состояла в том, что основной категорией населения здесь были представители интеллигенции, которые сформировали особый социальный облик его жителей. Выходцы из Москвы и Ленинграда создали уникальный менталитет и всего населения нового

¹⁶ Евладов, Мошкин 1966. С. 4; Анфилов 1961.

¹⁷ Марчук 1997. С. 12, 18.

¹⁸ «И забыть по-прежнему нельзя...» С. 58-62.

района. Градостроительные и ландшафтные особенности также наложили свой отпечаток на повседневную жизнь Академгородка.

Наконец, один из элементов городского пространства исторической памяти, на который оказывают влияние предыдущие, касается памяти коллективной и индивидуальной. И повседневная жизнь в определенном пространстве, и восприятие локальных «культурных кодов» вместе с информацией о памятниках и памятных мест, не может рассматриваться отдельно от личных переживаний человека, внутрисемейных связей и событий. Эти события передаются следующим поколениям через предметы быта, внутриквартирное пространство, имеющее свою историю, через семейный фотоальбом и устные рассказы. И здесь играет роль не только жизнь в рамках одной квартиры, но и факторы городской среды – школа или детский сад, магазин или место работы.

Повседневная жизнь людей, которые получали отдельные квартиры в этих домах, сохраняется в устных рассказах, фотографиях и воспоминаниях старожилов этих районов. Культурно-историческая память, которая передается их потомкам, становится частью «народной» истории. Городская среда, как своей консервативностью (архитектура, планировка, инфраструктура), так и изменчивостью (перемены под влиянием глобализации) играет важную роль в повседневной жизни людей, а также в их восприятии повседневности и дальнейшей передаче социального опыта, а в конечном счете – в культурно-исторической памяти.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анфилов Г.А. Мой дом в Золотой долине. // Огонек. 1961. № 4. С. 11-13.
- Ассман, Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- Гурьев Г.Ю., Гусева Е.Н. Улицы города Омска. Справочник. 2001.
- Евладов Б., Мошкин С. Золотая долина, Академгородок Репортаж из новосибирского научного центра. М., 1966.
- «И забыть по-прежнему нельзя...» / Верховская Е.Н., Притвиц Н.А. Новосибирск, 2007.
- Лавренова О. Междисциплинарное поле мысли: культурный ландшафт // Проблемы теоретической и гуманитарной географии / Сост., отв. ред. Д.Н. Замятин. М., 2013.
- Лысова Н.Ю. Город как пространство культурно-исторической памяти // Регионоведение. 2011. № 2.
- Марчук О.Н. Сибирский феномен. Академгородок в первые двадцать лет. Новосибирск: "Сибирский хронограф", 1997.
- Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007. 480 с.
- Репина Л.П. Опыт социальных кризисов в исторической памяти // Кризисы переломных эпох в исторической памяти / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2012.
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011.
- Репина Л.П. Память о прошлом и история // Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. С. 7-18.
- Рыженко В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е гг.: вопросы теории, истории, историографии и методов исследования. Екатеринбург–Омск, 2003. 370 с.
- Рыженко В.Г. Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах: региональный аспект. Омск, 2010. 340 с.

Рыженко В.Г., Назимова В.Ш., Алисов Д.А. Пространство советского города (1920-е – 1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири) / Отв. ред. В.Г. Рыженко. Омск, 2004.

REFERENCES

- Anfilov G.A. Moi dom v Zolotoi doline. // Ogonek. 1961. № 4. S. 11-13.
- Assman Ya. Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o poshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti / M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 368 s.
- Gur'ev G.Yu., Guseva E.N. Ulitsy goroda Omska. Spravochnik. 2001.
- Evladov B., Moshkin S. Zolotaya dolina, Akademgorodok Reportazh iz novosibirskogo nauchnogo tsentra. M., 1966.
- «I zabyt' po-prezhnemu nel'zya...» / Verkhovskaya E.N., Pritvits N.A. Novosibirsk, 2007.
- Lavrenova O. Mezhdistsiplinarnoe pole mysli: kul'turnyi landshaft // Problemy teoreticheskoi i gumanitarnoi geografii / Sost., otv. red. D.N. Zamyatin. M., 2013.
- Lysova N.Yu. Gorod kak prostranstvo kul'turno-istoricheskoi pamyati // Regionologiya. 2011. № 2.
- Marchuk O.N. Sibirskii fenomen. Akademgorodok v pervye dvadtsat' let. Novosibirsk: "Sibirskii khronograf", 1997.
- Megill A. Istoricheskaya epistemologiya. M., 2007. 480 s.
- Repina L.P. Opyt sotsial'nykh krizisov v istoricheskoi pamyati // Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoi pamyati / Pod red. L.P. Repinoi. M., 2012.
- Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika. M.: Krug", 2011.
- Repina L.P. Pamyat' o proshlom i istoriya // Dialogi so vremenem: Pamyat' o proshlom v kontekste istorii / Pod red. L.P. Repinoi. M.: Krug", 2008. S. 7-18.
- Ryzhenko V.G. Intelligentsiya v kul'ture krupnogo sibirskogo goroda v 1920-e gg.: voprosy teorii, istorii, istoriografii i metodov issledovaniya. Ekaterinburg-Omsk, 2003. 370 s.
- Ryzhenko V.G. Obrazy i simvoly sovetskogo goroda v sovremennykh issledovatel'skikh opytakh: regional'nyi aspekt. Omsk, 2010. 340 s.
- Ryzhenko V.G., Nazimova V.Sh., Alisov D.A. Prostranstvo sovetskogo goroda (1920-e – 1950-e gg.): teoreticheskie predstavleniya, regional'nye sotsiokul'turnye i istoriko-kul'turologicheskie kharakteristiki (na materialakh Zapadnoi Sibiri) / Otв. red. V.G. Ryzhenko. Omsk, 2004.

Жидченко Александр Владимирович, кандидат исторических наук, преподаватель, Останкинский институт телевидения и радиовещания; Zhidchenko220689@yandex.ru

Space of historical memory in a Siberian city district: a reconstruction

The article presents a case study that used an analysis of the space of historical memory of an urban district, based on four elements: architectural landscape of a district, monuments and places of memory as coordinates of cultural continuity, evolution of everyday life, and general analysis of collective and individual memory of people who live in a district – a combination of family, local and global (national) history. This is an interdisciplinary study, and the model described here was applied to a number of urban districts in the cities of Western Siberia.

Keywords: space of historical memory, city district, local history

Alexander Zhidchenko, Ph.D. (History), Lecturer of the Ostankino Institute of TV and Radio Broadcasting; Zhidchenko220689@yandex.ru